

О современной роли интеллигенции

В сжатой форме я хотел бы высказаться насчет интеллигенции в четырех тезисах. Очень коротко.

Тезис первый. То, что мы рассматриваем в качестве заката традиционной модели русской интеллигенции, в действительности есть возвращение к нормальности. Возвращение к нормальности в том смысле, что на полупериферии мировой системы, не только в России, но и в Восточной Европе, Латинской Америке, в Индии, в Китае, интеллигенция играла роль эрзацмодернизатора, ввиду отсутствия реальных социальных прослоек, которые могли бы быть носителем данной идеологии. По поводу этого я бы отметил два момента. Первый: что уменьшение роли традиционной интеллигенции, я бы сказал, российского и восточно-европейского типа, не является признаком трагедии. Я скорее назвал бы это возвращением к нормальности, приближением периферии к полупериферии, может быть, к каким-то более универсальным образцам воспроизводства. Думаю, что здесь происходит профессионализация во всех сферах деятельности, включая политическую, и что основным символом, или сутью, или основой этой профессионализации, является появление новых структур разделения труда в обществе. Кроме того, классы, в их узком политическом понимании, исчезают. Это закономерный и естественный процесс.

Второй момент: здесь многие говорили о восстании против интеллигенции. Думаю, что как в России, так и в странах Восточной Европы, можно разграничить два типа восстания. К первому отнести "восстание масс", связанное с Жириновским, о чем многие здесь говорили. Но есть более существенное восстание, которое имеет место, как мне кажется, в России и в весьма яркой форме проявляется в Восточной Европе, — это восстание нового среднего класса против интеллигенции. Совершенно очевидно, что те литераторы, представители гуманитарной интеллигенции, диссидентства и т.д., которые в 1988—1989 гг. пришли к власти в ряде стран Восточной Европы, за три года не только потеряли власть, но вылетели из парламентов, исчезли из публичной жизни. Появился новый класс политических младенцев — представители среднего класса, определяющие тон политических дебатов. Мне кажется, что это (может быть, не в такой драматической форме) происходит и в России. И когда многие уважаемые выступающие здесь и в других местах, где встречается российская интеллигенция, с обидой говорят о ситуации, о восстании масс против интеллигенции, то, думается, они имеют ввиду именно это восстание нового среднего класса против традиционной модели интеллигенции.

Третий тезис касается поколенческой проблемы в этом восстании. Я думаю, мы все-таки должны отдавать себе отчет в том, что

интеллигенция имеет общие российско-восточно-европейские корни. Но в том виде, в котором она сейчас существует, ее можно представить как составную часть, я бы сказал, советского культурного универсума, советского культурного космоса. С распадом, демонтажом этого советского космоса происходит деградация и его составных элементов. Совершенно очевидно, что демонтаж сопровождается очень резким поколенческим разрывом. Безусловно, молодежь больше подвергается, как я бы сказал, "демонтажу" или более чувствует его, чем остальные слои населения. Поколенческий аспект проблемы выражается в том, что новое поколение об этой интеллигенции, о бывших ведущих представителей интеллигенции периода позднего госсocialизма не хочет знать вообще. И здесь речь идет не просто о бывшей партийной интеллигенции, об интеллигенции легитимизаторской. Я думаю, что здесь возникает ситуация, аналогичная бывшей интеллигенции-жертвы, интеллигенции борцов Сопротивления и т.д. Здесь все-таки существуют культурные пары. Российская, восточно-европейская, польская, чешская, венгерская интеллигенция играла роль жертвы и борца, Давида, который борется с бюрократическим Голиафом. Но дело в том, что с исчезновением Голиафа теряет смысл и путь Давида. Кого интересует Давид, если нет Голиафа? Я думаю, это очень существенный момент.

Четвертый тезис. Я думаю, его можно отнести к проблеме социальной технологии. Я думаю, что во всех вариантах, о которых мы говорили, — досоветских, советских и постсоветских — интеллигенция все-таки искала для себя какую-то социальную нишу. И эта ниша была, так сказать, "советской" нишей хоть для борцов Сопротивления, хоть для кого. Теперь она исчезла. И проблема заключается в том, чтобы найти новую нишу. Возвращаясь к дискуссии первого дня нашего симпозиума, я хотел бы сказать о том, что в России отсутствует определенный элемент, кусочек политического спектра — социально-демократический. Об этом здесь говорят так просто, как о нехватке какой-то краски. Я же думаю, здесь речь о совершенно другом. С одной стороны, я вижу настоящий политический класс, который пытается выразить, я бы сказал, какие-то элементы классических либеральных, интеллектуальных и политических ценностей. Может быть, даже идеалистических. С другой стороны, я вижу здесь массы, которые по-прежнему сидят и мечтают о каких-то коллективистских элементах. Ведь, в конце концов, религиозное возрождение, неонационализм — все это я отнес бы к поискам утраченного коллективизма. И здесь я вижу не просто отсутствие какого-либо кусочка горизонтального спектра, а вертикальный разрыв. Нет перехода, нет "переключателя" от коллективистских потребностей и бывшей системы ценностей общества к теперешнему политическому классу, которому это не нужно. Факт остается фактом, — может возникнуть ситуация, когда эта дыра, которая обозначалась просто как горизонтальная, превращается в вертикальную черную дыру, которая может разорвать всю политическую ткань общества. Я не вижу

необходимых передаточных механизмов. Речь идет о том, чтобы найти адекватные культурологические, идеологические инструменты, в каком-то плане решить вопрос социальной технологии.